

ЛАРИСА ПАВЛОВА

 <https://orcid.org/0000-0002-5105-3941>
pavlar@inbox.ru

ИРИНА РОМАНОВА

 <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>
Смоленский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра литературы и журналистики
214000 Смоленск
ул. Пржевальского, 4
irina.romanova@bk.ru

ДОМИНАНТНЫЕ И ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОМБИНАЦИЙ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

DOMINANT AND OPTIONAL COMPONENTS OF LEXICAL COMBINATIONS IN RUSSIAN POETRY

Статья отражает опыт применения оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах», который позволяет обнаружить повторяющиеся лексические комбинации в творчестве того или иного автора («корпусное» направление исследований) или в тематически заданном определенной ключевой лексемой корпусе стихотворений разных авторов вплоть до всей русской поэзии («тематическое» направление исследований). В выявленных лексических комбинациях выделяется общий лексический ряд, обусловленный общностью объективного жизненного или языкового материала, общими особенностями человеческого восприятия, распространенными ассоциациями. Так создается лейтмотивная лексическая среда. Это доминантные компоненты лексических комбинаций. За пределами этого лейтмотивного ряда остаются вариации – лексемы, которые изредка добавляются к лейтмотивному ядру в конкретных текстах и тем самым индивидуализируют эти тексты. Это факультативные компоненты комбинаций. Выявление доминантных и факультативных компонентов лексических комбинаций эффективно для сравнения разных авторов и установления общего и отличного в их поэтических интерпретациях одной и той же темы.

Ключевые слова: программный комплекс «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах», лексические комбинации, доминантные и факультативные компоненты лексических комбинаций, идиостиль, межтекстовые связи.

The article reflects the experience of using the original software system “Hypertext Search for Companion-Words in Author’s Texts”, which allows one to find recurrent lexical combinations in the work of an author (the “corpus” direction of research) or in a thematically (by key lexical items) defined corpus of poems by various authors, right up to all Russian poetry (a “thematic” line of research). In the identified lexical combinations, a common lexical set is distinguished, due to the commonality of actual life or of language material, to common features of human perception, or to widespread associations. In this way a leitmotiv-based lexical environment emerges. It contains the dominant components of lexical combinations. Outside the leitmotiv set remain variations – lexemes that are occasionally added to the leitmotiv core in specific texts and thereby individualize those texts. These are optional components of combinations. Identifying the dominant and the optional components of lexical combinations is effective for comparing different authors and for establishing what they have in common and where they differ in their poetic interpretations of the same topic.

Keywords: software system “Hypertext Search for Companion-Words in Author’s Texts”, lexical combinations, dominant and optional components of lexical combinations, idiosyncrasy, intertextual links.

В последние годы вектор эволюции гуманитаристики, не входящей в приоритетные направления развития науки, все больше поворачивается в направлении Digital humanities. Цифровая текстология, составление корпусов и всевозможные методы обработки текстов – это то, чем озабочена сегодня мировая филология.

Смоленская филологическая школа имеет богатый и давний опыт использования точных методов в литературоведении. Ее основатель профессор В. С. Баевский одним из первых в мире применил математические и статистические методы к изучению стиха русской поэзии в своей докторской диссертации *Типология стиха русской лирической поэзии*, которую защитил в 1974 г. в Тарту. Основные направления исследований, в том числе коллективных, уже с применением компьютерных моделей отражены в его итоговой монографии *Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы*¹.

После ухода ученого из жизни в 2013 г. коллективные исследования – начатые при нем и абсолютно новые – продолжают его учениками и учениками учеников. Некоторые из этих исследований затрагивают проблему индивидуального стиля автора.

В ходе этих исследований удалось установить важную особенность текста: его существование основано на принципе айсберга. На разных структурных уровнях текста – от фонетики до лексики – есть явления и приемы, контролируемые авторским сознанием и создающиеся автором целенаправленно. Они воспринимаются читателем и без особых усилий выявляются

¹ В. Баевский, *Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы*, Москва: Языки славянской культуры 2001.

исследователем. Но есть некие потаенные структуры текста, существование и функционирование которых отчасти предопределяется языком, в большей же степени – особенностями писательского сознания, психологией творчества. Их невозможно увидеть без специальных технических средств, контролирующих и фиксирующих особенности индивидуальной речевой деятельности и поэтики. Именно они формируют авторский идиостиль. Для исследования скрытых структур на уровнях фоники и лексики – того, что определяет звучание и семантику поэтической речи, было разработано несколько программных комплексов.

Один из них – «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Идею, положенную в основу программного комплекса, инициировали наблюдения над особенностями индивидуального стиля поэта-символиста Вячеслава Иванова. В ходе анализа лексико-грамматических повторов в его лирике обнаружилось повторяющееся соседство некоторых слов и словосочетаний в произведениях, порой далеко отстоящих друг от друга и в пространстве книги, и по времени написания². Кроме появления рядом, на соседних строчках или строфах разных произведений, слова-спутники, как правило, не связаны какими-либо – грамматическими, синтаксическими, стиховыми – отношениями. Эти повторяющиеся наборы слов получили название «лексические комбинации». Например, в стихотворениях *Полет* и *Любовь* из первой книги лирики Вячеслава Иванова *Кормчих Звезд* встречается лексическая комбинация, которая состоит из восьми лексем и их производных: «конь», «крыло», «лететь», «метеор», «ночь», «пламя», «рука», «судьба».

Таблица 1

**Многокомпонентная лексическая комбинация
конь – пламя – метеор – судьба – ночь – лететь – крыло – рука
в *Кормчих Звездах* Вячеслава Иванова**

1.	Из чуткой тьмы пещер, расторгнув медь оков, Стремится Музыка, обвита бурной тучей... Ей вслед – погони вихрь, гул бездн, и звон подков, И светоч пламенный , как метеор летучий...
----	---

² Л. Павлова, *Очевидные и неочевидные повторы в лирике Вячеслава Иванова*, [в:] *Повтор в художественном тексте / Powtórzenie w tekście artystycznym*, Bydgoszcz 2012, с. 243–255; Л. Павлова, *Потаенные повторы в лирике Вячеслава Иванова (опыт применения компьютерной программы «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах»)*, [в:] *Retoryka tekstu artystycznego. Gry semantyczne / Риторика художественного текста. Семантические игры*, под ред. А. Маймескулов, Bydgoszcz 2016, с. 271–283.

1.	<p>Ты, Муза вещая! Мчит по громам созвучий Крылатый конь тебя! По грядам облаков, Через ночь немых судеб и звездный сон веков, Твой факел кажет путь и сеет след горячий.</p> <p>Простри же руку мне! Дай мне покинуть брег Ничтожества, сует, страстей, самообманов! Дай разделить певцу надвременный твой бег!..</p> <p>То – Прометеев вопль, иль брань воздушных станов? Где я?.. Вкруг туч пожар – мрак бездн – и крыльев снег, И мышцы гордые напрягших мощь Титанов...</p> <p style="text-align: right;">(Полет)³.</p>
2.	<p>Мы – два грозой зажженные ствола, Два пламени полуночного бора; Мы – два в ночи летящих метеора, Одной судьбы двужалая стрела!</p> <p>Мы – два коня, чьи держит удила Одна рука, – одна язвит их шпора; Два ока мы единственного зора, Мечты одной два трепетных крыла.</p> <p>Мы – двух теней скорбящая чета Над мрамором божественного гроба, Где древняя почиет Красота.</p> <p>Единых тайн двугласные уста, Себе самим мы – Сфинкс единый оба. Мы – две руки единого креста.</p> <p style="text-align: right;">(Любовь)⁴.</p>

Комплекс позволяет в автоматическом режиме найти в текстах определенного автора или нескольких авторов устойчивые наборы лексем, «переходящие» из стихотворения в стихотворение на заданном интервале близости. Для эксперимента был выбран объем в 50 слов. При необходимости возможно варьировать размер текстового блока.

³ Вяч. Иванов, *Собрание сочинений*, под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт, Брюссель: Foyer Oriental Chrétien 1971, т. I, с. 609.

⁴ Там же, с. 610.

В ходе апробации программного комплекса стало ясно, что появление повторяющихся лексических комбинаций – дифференциальная особенность именно поэтической речи. Опыт обработки прозаического текста показал, что выявляемые лексические комбинации (чаще двух- и трехкомпонентные ввиду большого количества вспомогательных слов, попадающих в комбинацию) отражают тенденции нарратива и не выстраивают «вертикальных», как в стихотворном тексте, связей.

В отличие от прозы, в поэтических текстах устойчивые лексические комбинации могут привлекаться для описания идиостиля автора.

Так, у А. Твардовского, поэтический язык которого «прост до оскорбительности» (перефразируя Д. Быкова), в тексте выявлены разнокомпонентные и показательные лексические комбинации: «детство» – «дождь»; «свет» – «прощание» – «липа»; «срок» – «весна» – «лето» – «менять» – «мир» – «петоперепето»; «ходить» – «смерть» – «сирень» и др. Характерно вкрапление конкретной, вещественной лексики в лексические комбинации, построенные в основном на лексике абстрактной, что свидетельствует о нетривиальных авторских решениях традиционных тем.

Неоклассицист Ю. Верховский оказался приверженцем по сути одной лексической комбинации «душа» – «ночь», в разных текстах представляющей в окружении слов-спутников: «вечность», «любовь», «звезда», «тайна», «песня», «слушать», «звук», «тишина», «сон», «мечта».

Одним поэтам свойственны многокомпонентные комбинации (Вяч. Иванов, Андрей Белый, И. Бродский), другим – нет (Вл. Соловьев, Б. Пастернак, О. Мандельштам, А. Твардовский, Т. Бек).

У одних авторов появление рядом одних и тех же лексем на обозримом участке текста поддается более-менее логичному объяснению, у других – нет.

На настоящем этапе исследование развивается в двух направлениях: «тематическом» и «корпусном».

В «тематическом» направлении исследований в основе постановочной идеи находится один интересующий исследователя формальный компонент (лексема), например, «алмаз», «конь», «кипарис», «Лоррен»; в качестве изучаемого корпуса отбираются стихотворения с этой лексемой, и программа помогает обнаружить устойчивые слова-спутники этой лексемы. Так выявляются не только внутри-, но и межтекстовые связи, образующие, условно говоря, «алмазный», «конский», «кипарисовый» или «лорреновский» текст одного автора, группы авторов или всей русской поэзии, если материалом исследования будет служить соответствующий корпус текстов.

В лексических комбинациях, которые выявляются таким способом и формируют определенный гипертекст, как правило, выделяется общий

лексический ряд, обусловленный «объективностью» жизненного материала (когда поименованные явления встречаются рядом в реальности) или языкового, текстового материала (например, соседство слов обусловлено рифмой), общими особенностями человеческого восприятия, распространенными ассоциациями. Так создается «лейтмотивная» лексическая среда. Это **доминантные компоненты лексических комбинаций**. Например, если гипертекстом служит экфрасис, в лейтмотивном лексическом ряду с большой долей вероятности окажутся имя художника, эпоха и стиль, название произведения и далее, согласно каталогу – традиционному описанию экспоната на выставке. За пределами этого лейтмотивного ряда остаются «вариации» – лексемы, которые добавляются к лейтмотивному ядру в конкретных текстах и тем самым индивидуализируют эти тексты. Это **факультативные компоненты комбинаций**. Данное направление исследования можно эффективно использовать при сравнении разных авторов, устанавливая общее и отличное в их поэтических интерпретациях одной и той же темы.

В качестве примера приведем некоторые наблюдения над лексическими комбинациями с «янтарным» компонентом. Материалом исследования послужили произведения 30 русских поэтов XVIII–XXI вв. (всего – 157 «янтарных» словоупотреблений).

Некоторые компоненты выявленных «янтарных» комбинаций оказались вполне ожидаемы (ожидание мотивировано происхождением, распространением, соответствующим мифом, легендой, преданием, внешним обликом и свойствами самоцвета): «свет», «солнце», «море», «слеза», «волна», «золотой», «огонь», «блеск».

Лексические комбинации, включающие два-три указанных компонента, наиболее частотны в силу своей связи с отражаемой объективной реальностью и литературной традицией. С каждым из подобных компонентов «янтарь», по-видимому, изначально был связан грамматически («янтарный свет», «янтари моря», «золотой янтарь» и т.п.). Притяжение сохранилось даже после того, как распались очевидные связи: раз за разом эти слова появляются на одной текстовой территории. Так же легко проследить путь попадания в «янтарные» лексические комбинации частотного компонента «заря». В основе лежит стиховая традиция: «заря» – устойчивая рифма «янтаря», как и «-зарный – янтарный». «Мифологическое» объяснение уместно для характеристики соседства «янтаря со слезой»: именно в янтарь превратились слезы безутешных гелиад, скорбящих о погибшем брате – Фаэтоне.

Таблица 2
Виды связи между компонентами
«янтарных» лексических комбинаций (фрагмент)

	Очевидные связи	Неочевидные связи
Янтарь – золотой	<p>Крупные ж ягоды их, как янтарь золотой иль пурпурный, / Блещут, когда созревают они благодатью Зевеса. (<i>Одиссея</i>, пер. В. Жуковского, 1849);</p> <p>И любя, и грустя, / всех дарит лучезарностью кроткой. / Вот стоит, как дитя, / с золотисто-янтарной бородкой. (Андрей Белый, <i>Не тот</i>, 1903).</p>	<p>Все в ней мне нравится: и пестрота наряда, / И бархат, и парча, и золота струя, / И яхонт, и янтарь, и гроздья винограда, / Которыми она обвешала себя. (П. Вяземский, <i>Осень</i>, 1874);</p> <p>Льва одел золотою одеждой / И пятнистой одел леопарда, / Сделал рог, как янтарь, носорогу, / Дал газели девичьи глаза. (Н. Гумилев, <i>Судан</i> <1918, 1921>).</p>
Янтарь – блеск	<p>Вся комната янтарным блеском / Озарена. Веселым треском / Трещит затопленная печь. (А. Пушкин, <i>Зимнее утро</i>, 1829);</p> <p>В небе – и блеск изумруда, и блеск янтаря [...]. (К. Бальмонт, <i>Заря</i>, 1894);</p> <p>Не для меня небрежна эта складка, / Блеск янтаря на шейке. (Д. Самойлов, <i>Не для меня вдевают серьги в ушки...</i>, 1986).</p>	<p>Стекло пенснэйное проснетя, / Переплснетя блеском искр; / Развевя веером вопросы, / Он чубуком из янтаря, – Дымит струями папиросы [...]. (Андрей Белый, <i>Первое свидание</i>, 1921);</p> <p>Швыряя в стекла пригоршней янтарь, / осенним днем, за стеклами ревушим, / и гребнем, ослепительно цветущим, / когда гремит за окнами январь, / захлестывая дни, – пускай гудит, / сжимает сердце и в глаза глядит. / Но, подступая к самому лицу, / оно уступит в блеске своенравном / седому, серебристому венцу, / взнесенному над тернием и лавром! (И. Бродский, <i>Сонет</i>, 1964).</p>
Янтарь – волна ⁵	<p>У черных и янтарных волн, / Смирил Колхиду златорунну [...]. (Г. Державин, <i>Водопад</i>, 1794).</p>	<p>Как <i>блещут</i> и горят янтарные леса / В оттенках золотых, в багряных переливах! / Как солнце светится в волнах [...]. (П. Вяземский, <i>Осень 1830 года</i>);</p>

⁵ Отметим, что в соответствии с рассматриваемым аспектом здесь выделена двухкомпонентная лексическая комбинация. В полном виде «янтарная» лексическая комбинация, отмеченная в трех приведенных текстах, включает еще один компонент: «янтарь» – «волны»

	Очевидные связи	Неочевидные связи
Янтарь – волна ⁶		Кругом, кругом / Зрю отблеск <u>золотистый</u> / Закатных янтарей , / А над ручьем / Полет в туман волни- стый / Немых нетопырей... (Андрей Белый, <i>Ночь</i> , 1907).
Янтарь – заря	В дымных тучках пурпур розы, / Отблеск янтаря , / И лобзания, и сле- зы, / И заря, заря! .. (А. Фет, <i>Шепот, робкое дыхание...</i> <1850>); Неземной сменяла день / Полу- тень / Теплых трепетов янтарных , / Отголосков светозарных . (Вяч. Иванов, <i>Гелиады</i> <1904>); А вечерами за буксиром / На проб- ках тянется заря / И отликает рыбим жиром / И мгливой дымкой янтаря . (Б. Пастернак, <i>Сосны</i> , 1941).	Заря поблекла, и редет / Янтар- ных облаков гряда, / Прозрачный воз- дух холодеет, / И глухо плещется вода. (Г. Иванов, <i>Петроградские волишеб-</i> <i>ства</i> <1915>); Где деревья в сентябре / На заре стоят попарно, / И закат на их коре / Оставляет след янтарный . (Б. Пастернак, <i>Золотая осень</i> , 1956).
Янтарь – слеза	Там Мемель, в виде Фаэтонта / Стремглав летя, Нимф прослезил , / В янтарного заливах понта / Мечта- нье в правду претворил. (М. Ломоносов, <i>Ода [...] императри-</i> <i>це Елисавете Петровне, самодержи-</i> <i>це всероссийской, на торжественный</i> <i>праздник тезоименитства ее вели-</i> <i>чества сентября 5 дня 1759 года</i>); [...] На могильном на кургане / Сле- зы льем – нам нет отрады! / Будут в чи- стом Эридане / Наши слезы – янтари . (Вяч. Иванов, <i>Гелиады</i> <1904>).	Давай ронять слова, / Как сад – янтарь и цедру, / Рассеянно и щедро, / Едва, едва, едва. / Не надо толковать, / Зачем так церемонно / Мареной и лимоном / Обрызгнута ли- ства. // Кто иглы заслезил / И хлынул через жерди [...]. (Б. Пастернак, <i>Давай ронять сло-</i> <i>ва...</i> , 1917).

Наряду со словами, присутствие которых неподалеку от «янтаря» может быть объяснено указанными причинами, в «янтарных» лексических

– «золото». В двух из трех стихотворениях (у Вяземского и Андрея Белого) фиксируется еще более длинная лексическая комбинация: «янтарь» – «волны» – «золото» – «блеск».

⁶ Отметим, что в соответствии с рассматриваемым аспектом здесь выделена двухкомпонентная лексическая комбинация. В полном виде «янтарная» лексическая комбинация, отмеченная в трех приведенных текстах, включает еще один компонент: «янтарь» – «волны» – «золото». В двух из трех стихотворениях (у Вяземского и Андрея Белого) фиксируется еще более длинная лексическая комбинация: «янтарь» – «волны» – «золото» – «блеск».

комбинация у разных авторов встречаются компоненты немотивированного или неочевидного включения. Если подобного рода компоненты встречаются в лексических комбинациях у отдельного автора, мы вправе констатировать сугубо индивидуальные ассоциативные связи. Однако в ряде случаев комбинации с компонентом неочевидной мотивации присутствуют в текстах разных авторов, заставляя предположить существование некоей утраченной или не установленной связи между соседями по текстовому блоку. Кроме того, подобные лексические комбинации, повторяясь, дают повод для интертекстуальных размышлений, сближая между собой как тексты одного автора (пример см. в Таблице 3), так и тексты разных авторов (пример см. в Таблице 4), порой далеко отстоящие по времени написания, по положению в книге или сборнике стихов, по значению в творчестве автора и никогда ранее не соотносимые друг с другом.

Таблица 3
Лексические комбинации в текстах Вячеслава Иванова:
янтарный – золото – рай

Книга	Текстовый блок, очередность компонентов
<i>Кормчие Звезды</i> (1903)	<p>янтарный – золото – рай</p> <p>Пред Гиметом пурпурным в неге закатной Кипарисы рдеют лесного Ардета, Олеандры Илисса, и пиний пятна На кургане янтарном Ликабета.</p> <p>Злато смуглое – дароносицы Эрехтея; Колос спелый – столпные Пропилеи; Терем Ники – пенная Левкотей... Но белее – лилия Галилеи!</p> <p>Там, далече, где жаждут пальмы Магдалы В страстной пустыне львиной, под лобзаньем лазури, Улыбаются озеру пугливые скалы, И mreжи – в алмазах пролетевшей бури.</p> <p>И – таинницы рая – разверзли долины Растворенным наитьям благовонные лона; И цветы расцветают, как небесные крины; И колосья клонятся Эздрелона [...].</p> <p style="text-align: right;">(Аттика и Галилея)</p>

Книга	Текстовый блок, очередность компонентов
<i>Прозрачность</i> (1904)	<p>рай – янтарный – золото Встарь бывало: от зари До зари В облаках, не умирая, Трепетали дива рая.</p> <p>Кочевых садов краса В небеса Осыпала розы алы; Полночь искрила опалы. Неземной сменяла день Полутень Теплых трепетов янтарных, Отголосков светозарных. И скиталися в ночи Все лучи; И сияли, с небом слиты, Крайних холмов хрисолиты. Рдела пурпура дуга, И рога Сонных юниц златорунных Отрясали далее лунных Беловейные снега [...].</p> <p style="text-align: right;">(Гелиалы)</p>
<i>Cor Ardens</i> (1911–1912)	<p>золотой – рай – рай – янтарный Единую из золотых завес Ты подняла пред восхищенным взглядом, О Ночь-садовница! И щедрым садом Раздвинула блужданий зыбкий лес.</p> <p>Так, странствуя из рая в рай чудес, Дивится дух нечаянным отрядом, Как я хмелен янтарным виноградом И гласом птиц, поющих: «Ты воскрес» [...].</p> <p style="text-align: right;">(Золотые завесы)</p>

О том, что «янтарь» («янтарный») в поэтическом мире Иванова – указание на причастность к высшей божественной сфере, свидетельствует не только «райский» компонент в «янтарных» лексических комбинациях, но целый ряд семантически созвучных компонентов, также образующих

«янтарные» лексические комбинации: «диво», «свет», «елей», «золото», «ликовать», «небеса», «святой»⁷.

Таблица 4
«Общие» лексические комбинации (фрагмент)

Лексическая комбинация	Текстовый блок, автор, название стихотворения, дата написания
Янтарь – слово	<p>1. Где ныне Королевско слово, / Что страшно воинство готово / На Запад путь наш прекратить? / Уже окровавлена Прегла, / Крутятся, в твоей земли, пробегла / Российску силу возвестить. // Там Мемель, в виде Фаэтонта / Стремглав летя, Нимф прослезил, / В янтарного заливах понта / Мечтанье в правду претворил. (М. Ломоносов, <i>Ода [...] императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства ее величества сентября 5 дня 1759 года</i>);</p> <p>2. Вот в самом том саду, где также спеть все стало, / Наливное, сквозное, как янтарь, / При солнце яблоко на ветке созревало. / Мальчишка был давно тем яблоком пленен: / Из тысячи других его заметил он: / Да доступ к яблоку мудрен. / На яблоню Мальчишка лезть не смеет, / Ее потрянуть он силы не имеет / И, словом, яблоко достать не знает как. (И. Крылов, <i>Мальчик и Червяк</i>, 1818);</p> <p>3. Звездясь, янтарный мед шипит, / И ходит чаша круговая. / Все веселятся... но грустит / Одна Рогнеда молодая. / «Воспой деянья предков нам!» – / Бояну витязи вещали. / Певец ударил по струнам – / И вещие зарокотала. // Он славил Рюрика судьбу, / Пел Святославовы походы, / Его с Цимискием борьбу / И покоренные народы; / Пел удивление врагов, / Его нетрепетность средь боя, / И к славе пылкую любовь, / И смерть, достойную героя... // Бояна пламенным словам / Герои с жадностью внимали [...]. (К. Рылеев, <i>Рогнеда</i>, 1821 или 1822);</p> <p>4. [...] Озеро стеклянной степью / Бездыханно разлилось, – / И плитами светозарно, / То багряно, то янтарно, / Раскалилось и зажглось. // Кто бы в слово, в образ чистый / Смело мог сей блеск струистый, / Жизнь и свежесть зачерпнуть? (П. Вяземский, <i>Картина</i>, 1854 или 1855);</p> <p>5. Им укрепиться пищею велит; / Пшеном и медом потчует янтарным / И влагой родниковую поит. // Когда ж молитвословьем благодарным / Скончали гости трапезу, медвян / Стал солнца низкий свет [...]. (Вяч. Иванов, <i>Феофил и Мария</i> (из книги <i>Cor Ardens</i> 1911–1912));</p>

⁷ Л. Павлова, *Символика янтаря в лирике Вячеслава Иванова: явленное и скрытое*, «Известия Смоленского государственного университета» 2016, т. 3 (35), с. 22–34.

Лексическая комбинация	Текстовый блок, автор, название стихотворения, дата написания
Янтарь – слово	<p>6. Здесь горько томиться, / Забыться невмочь; / Там – сладко молиться / В янтарную ночь. // Чтоб ветер ветвями / В окошко стучал, / Святыми словами / Душе отвечал. (Г. Иванов, <i>Бродячие актеры</i>, 1914);</p> <p>7. Дыханье веера, цветы, / в янтарном небе месяц узкий... / Зевая, спрашиваешь ты, / как слово happiness по-русски. (В. Набоков, <i>Кимоно</i>, 1919);</p> <p>8. Давай ронять слова, / Как сад – янтарь и cedру, / Рассеянно и щедро, / Едва, едва, едва. (Б. Пастернак, <i>Давай ронять слова...</i>, 1923);</p> <p>9. [...] Словам, сверкнувшим, как весна, / Любви, все ведавшей заранее, / Душа останется верна. / Литовской речью, столь ветвистою, / Что новь цветет, как рдела встарь, / Тысячелетья золотистою, / Как морем вымытый янтарь, – / Хранимыми заветно тайнами, / В которых бьет хрустальный ключ, / Неумолкающими дайнами, / Твой дух, Литва, всегда могуч. (К. Бальмонт, <i>Обручение</i>, 1931);</p> <p>10. Пора снимать янтарь, / Пора менять словарь, / Пора гасить фонарь / Наддверный... (М. Цветаева, <i>Пора снимать янтарь...</i>, 1941);</p> <p>11. Выбрасывая на берег словарь, / злоречьем торжествуя над удушьем, / пусть море осаждаёт календарь / со всех сторон: минувшим и грядущим. / Швыряя в стекла пригоршней янтарь, / осенним днем, за стеклами ревущим, / и гребнем, ослепительно цветущим, / когда гремит за окнами январь, / захлестывая дни, – пускай гудит [...]. (И. Бродский, <i>Сонет</i>, 1964);</p> <p>12. Тихо. Половицы воровато / Полоснула лунная фольга. / Вскорости янтарные квадраты / Рухнут на пятнистые снега. / Электричество включают – и снова / Сутолока, город впереди. / Чье-то недослышанное слово / Бродит, не проклянется в груди. (С. Гандлевский, <i>Сигареты маленькое пекло</i>, 1973).</p>

Увеличение длины лексических комбинаций (т. е. числа совпадающих компонентов) позволяет внутри выделенного корпуса текстов с комбинацией «янтарь» – «слово» установить наличие добавочного тяготения между отдельными авторами. Так, Вяч. Иванов и Г. Иванов, поэты, чье эстетическое мировоззрение и творческую практику можно определить как диаметрально противоположные, единодушно к «янтарю» и «слову» добавляют «молитву», конкретизирующую сущность «слова».

Появившаяся в басне Крылова в полном согласии с описываемой конкретной ситуацией «ветка», на которой растет столь желанное ленивому мальчику яблоко, тоже, как оказалось, претендует на роль компонента в «янтарно-словесной» лексической комбинации – через сто лет К. Бальмонт (контекст см. выше) назовет «ветвистой» литовскую речь. Заметим, что у Кюхельбекера, не попавшего в рассматриваемый здесь корпус примеров по причине того, что в стихотворениях с «янтарем» на должном расстоянии у него не встречается лексема «слово», в *Сонете* (1839) воспроизводится ситуация, объединяющая столь далекие, казалось бы, дискурсы (яблоко на ветке у Крылова и ветвистая речь у Бальмонта). Бессилие поэта, чья поэтическая речь иссякла, представлено строкой с недостижимым янтарным плодом (парадигма «слово → плод»):

[...] И я живал в раю; за чашею нектарной
 Молитв и песней я на небе пировал!
 И вот и я, как он, с Олимпа в бездну пал;
 Бежит от уст моих засохших вал коварный;
 Ловлю – из-под руки уходит плод янтарный!⁸

В приведенных выше фрагментах стихотворений К. Бальмонта и И. Бродского, помимо «общих» «янтаря» и «слова» присутствует еще несколько совпадающих компонентов: «речь», «цвести», «море». И за пределами лексических комбинаций неожиданно обнаруживаются точки соприкосновения: контекстуальные синонимы «новь» и «встарь» у Бальмонта, «минувшее» и «грядущее» у Бродского; «литовская речь» у Бальмонта есть «дух», который «всегда могуч», у Бродского (литовская тема которому не чужда, хотя *Сонет* с эпиграфом из Ахматовой, казалось бы, далек от этой темы⁹) также провозглашено непоколебимое могущество речи – «зло-речьем торжествуя над удущьем».

При «корпусном» подходе заранее выбирается определенный корпус текстов, например, книги стихов определенного автора, или этот корпус формируется по тематическому принципу, например, стихотворения о революции, о войне, без указания определенных лексем. В этом корпусе и ищутся лексические комбинации.

⁸ В. К. Кюхельбекер, *Сочинения*, сост., подгот. текста и коммент. В. Д. Рака и Н. М. Романова, вступ. ст. Н. М. Романова, Ленинград: Художественная литература 1989, с. 115.

⁹ Р. Катилюс, *Иосиф Бродский и Литва*, «Звезда», 1997, № 1, с. 151–154; Е. Рейн, *Литва и Бродский, Бродский и Литва...*, «Вильнюс» 1997, № 2, с. 112–121; А. Сергеев, *О Бродском*, «Знамя» 1997, № 4, с. 139–158; Т. Венцлова, «Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» (1973–1983), [в:] он же, *Собеседники на пиру: Литературоведческие работы*, Москва: Новое литературное обозрение 2012, с. 590–602.

Например, в *Кормчих звездах* Вяч. Иванова так формируются лейтмотивные ядра и вариативные периферии лексических комбинаций:

- бледный – день – небеса** – [тьнь] (*Зеркало чаяния, Сфинкс глядит, Сфинкс*);
бледный – день – небеса – [ночь] (*Утренняя Звезда, Зеркало чаяния, Сфинкс глядит, Сфинкс*);
бледный – день – небеса – [заря] (*Утренняя Звезда, Зеркало чаяния*);
бледный – небеса – [свет; сиять] (*Утренняя Звезда, Себя забывшие, Сфинкс*);
бледный – [мир; путь; ночь] (*Утренняя Звезда, Сфинкс, Ночь*);
бледный – [мир; петь; свет] (*Утренняя Звезда, Сфинкс, Ночь*).

Из приведенного примера видно, что во всех случаях употребляется лексема «бледный», формирующая ядро лексических комбинаций. В ядро можно отнести и повторяющуюся четырежды по соседству с «бледный» лексему «небеса». На границе ядра и периферии оказывается лексема «день», встречающаяся в орбите «бледный» трижды. Ближнюю периферию составляют дважды встретившиеся «ночь», «свет» и «мир». Дальняя периферия (вариации) – лексемы «тьнь», «сиять», «путь», «петь». Так постепенно на уровне претекста происходит накопление потенциальных смыслов авторских символов. Множество оттенков значений символа формируется также за счет того, что каждое слово в составе лексической комбинации способно выстраивать аналогичные отношения со своими «спутниками». Образуется сложная, разветвленная система неочевидных, потаенных связей, служащих основой образования гипертекста. Соответственно по частоте упоминаний стихотворений, содержащих лексические комбинации, видимо, можно выделить ключевые тексты, в которых символ проявляется в наибольшей полноте оттенков своих значений (в нашем примере на роль таких ключевых текстов для «бледного символа» претендуют, по-видимому, *Утренняя звезда* и *Сфинкс*).

Итак, только сопоставление повторяющихся лексических комбинаций разных авторов позволяет делать наблюдения и выводы о распространенности или уникальности той или иной лексической комбинации в поэзии. Появление одних и тех же лексических комбинаций у разных авторов может быть обусловлено нахождением элементов комбинации рядом в определенной реальности (жизненной ситуации, в мифе). В таких случаях мы имеем дело с общепозэтической тенденцией, при которой говорить об уникальности поэтического языка того или иного автора не приходится. К общепозэтическим комбинациям относятся также случаи притяжения созвучных лексем, попадающих в положение рифмы. Были выделены также менее очевидные, но восстанавливаемые случаи формирования лексической комбинации по той

же смежности, но с редуцированием некоторых промежуточных звеньев – в основном за счет тропов. Редукция отдельных звеньев повторяющихся комбинаций делает связь оставшихся компонентов менее очевидной и более индивидуальной. Последние явления могут сигнализировать о сознательных или не вполне осознанных интертекстуальных связях.

References

- Baevskii, Vadim. *Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i kompyuternye modeli v istorii i teorii literatury*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 2001.
- Ivanov, Vyacheslav, *Sobranie sochinenii*. Vol. 1, ed. D. V. Ivanova, O. Deshart. Bryussel: Foyer Oriental Chrétien, 1971.
- Katilyus, Ramunas. "Iosif Brodskij i Litva". *Zvezda*. No. 1 (1997): 151–154.
- Küchelbecker, Wilhelm K. *Sochineniya*, ed. V. D. Rak i N. M. Romanov. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989.
- Pavlova, Larisa. *Ochevidnye i neochevidnye povtory v lirike Vyacheslava Ivanova*. In: *Povtor v khudozhestvennom tekste. / Powtórzenie w tekście artystycznym*. Bydgoszcz, 2012: 243–255.
- Pavlova, Larisa. *Potayonnye povtory v lirike Vyacheslava Ivanova*. In: *Retoryka tekstu artystycznego. Grysemantyczne. / Ritorika khudozhestvennogo teksta. Semanticheskie igry*, ed. A. Majmeskulov. Bydgoszcz, 2016: 271–283.
- Pavlova, Larisa. „Simvolika yantarya v lirike Vyacheslava Ivanova: yavlennoe i skrytoe”. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (35), (2016): 22–34.
- Rein, Yevgenii. „Litva i Brodskij, Brodskij i Litva”. *Vilnyus*. No. 2 (1997): 112–121.
- Sergeyev, Andrei. „O Brodskom”. *Znanya*. No. 4 (1997): 139–158.
- Ventslova, Tomas. *Litovskii noktyurn: Tomasu Ventslova (1973–1983)*. In: *Sobesedniki na piru: Literaturovedcheskie raboty*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012: 590–602.